

СОДЕРЖАНИЕ

№ 38 (1999)

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ

Опиофагия, или Ключ к таинственным наслаждениям, производимым опиумом	5	<i>Публ., послесловие и примечания С. В. Шумихина</i>
---	---	---

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ВЛАСТИ

С. Козлов	36	От редактора
КАРЛ ШМИТТ	37	Римский католицизм и политическая форма (фрагмент) (Пер. А. Ф. Филиппова)
ВИКТОР ЖИВОВ	51	Иван Сусанин и Петр Великий. <i>О константах и переменных в составе исторических персонажей</i>
ЮРИЙ КАГАРЛИЦКИЙ	66	Сакрализация как прием: ресурсы убедительности и влиятельности имперского дискурса в России XVIII века
РИЧАРД ВОРТМАН	78	Николай II и популяризация его образа в 1913 году (Авторизованный пер. Е. Островской и Ю. Кагарлицкого)
АЛЕКСАНДР ГАЛУШКИН	104	Головокружение от неудач. <i>Спецзаписка ОГПУ об отношении советских писателей к И. В. Сталину</i>

ИДЕОЛОГИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

АНДРЕЙ ЗОРИН	111	«Бескровная победа» князя Пожарского (События Смутного времени в русской литературе 1806—1807 гг.)
--------------	-----	--

Н. Н. Примочкина	129	Горький и сменовеховское движение русской эмиграции
Виолетта Гудкова	143	Мечта о голосе

ПОРТРЕТЫ

Владислав Кривонос	166	«Саратовский пленник». <i>А. П. Скафтымов: ученый из провинции</i>
--------------------	-----	---

МЕМУАРЫ • ДНЕВНИКИ

Николай Ашукин	180	Заметки о виденном и слышанном. <i>Публ. и комм. Е. А. Муравьевой (Окончание)</i>
С. В. Житомирская	212	Конец сюжета. <i>(Вокруг архива М. А. Булгакова)</i>

ПУБЛИКАЦИИ • ЗАМЕТКИ

Кн. П. А. Вяземский	230	Заметки о комедии «Горе от ума» <i>Публ., предисловие и примеч. Д. П. Ивинского</i>
---------------------	-----	--

МОСКОВСКИЙ КАЙФ

Н. Н. Котомко	251	Московский кайф, или любовь к Тургеневу
	254	Рассказы
Элина Свенцицкая	273	Большие проблемы малой прозы
Георгий Балл	274	Боль и радость
Юрий Орлицкий	275	Большие претензии малого жанра <i>(По итогам первого Тургеневского фестиваля малой прозы)</i>

ПУБЛИКАЦИИ • ЗАМЕТКИ

Кн. П. А. Вяземский

ЗАМЕТКИ О КОМЕДИИ «ГОРЕ ОТ УМА»

Публикация, предисловие и примечания Д.П.Ивинского

История взаимоотношений Вяземского и Грибоедова слабо документирована, изобилует белыми пятнами и в настоящее время вряд ли может быть описана с необходимой степенью полноты. То же, что нам известно, сводится в основном к следующему.

Вяземский познакомился с Грибоедовым, вероятно, только весной 1823 г.¹; предположения о более ранних встречах Вяземского с Грибоедовым² не были до сих пор подтверждены документально. Знакомство, как известно, оказалось продуктивным: Грибоедов и Вяземский выступили как соавторы водевиля «Кто брат, кто сестра»³ (впрочем, не имевшего успеха и не ставшего событием в литературной жизни) и как соратники в «войне эпиграмм» с М.А.Дмит-

1 30 апреля 1823 г. Вяземский писал к А.И.Тургеневу: «Здесь Грибоедов персидский. Молодой человек с большою живостью, памятью и, кажется, дарованием. Я с ним провел еще только один вечер» (Архив братьев Тургеневых. Т. 1. 1814—1833 годы. Вып. 6. Пг., 1921. С. 16). Ср. в поздней мемуарной статье Вяземского: «В военной службе состоял я только в 1812 году и не далее Бородина; с Грибоедовым познакомился лет десять позднее в Москве» (Полн. собр. соч. кн. П.А.Вяземского / Изд. гр. С.Д.Шереметева: В 12 т. СПб., 1878—1888 <далее: *Вяземский*>. Т. VII. С. 338).

2 *Нечаева В.С.* Письмо Грибоедова П.А.Вяземскому // Литературное наследство. <Т.> 47—48. М., 1946. С. 229—230; *Мещеряков В.П.* А.С.Грибоедов: Литературное окружение и восприятие (XIX — начало XX в.). Л., 1983 <далее: *Мещеряков*>. С. 91.

3 См. об этом: *Вяземский П.А.* Дела давно минувших лет (Письмо к М.Н.Лонгинову) // Русский архив <далее: РА>. 1874. Кн. 1. С. 333—344 <далее: *Вяземский 1874*>; Полн. собр. соч. А.С.Грибоедова / Ред. и примеч. Н.К.Пиксанова. Т. 1—3. СПб., 1913 <далее: *Грибоедов*>. Т. 1. С. 298—300; *Верстовский А.* Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом. Текст А.Грибоедова и П. Вяземского. М.; Л., 1949; *Фомичев С.А.* Заметки о грибоедовской текстологии // *А.С.Грибоедов.* Творчество. Биография. Традиции. Л., 1977. С. 192—201.

риевым и А.И.Писаревым⁴. Вяземский предпринял определенные усилия для того, чтобы ввести Грибоедова в свой круг. 22 июня 1824 г. Вяземский писал А.И.Тургеневу: «Познакомьтесь с Грибоедовым: он с большими дарованиями и пылом»⁵. Именно благодаря Вяземскому могла состояться «встреча великих современников», по счастливому выражению современного исследователя⁶, т.е. Карамзина и Грибоедова. Еще в начале июня 1824 г. Вяземский снабдил Грибоедова рекомендательным письмом к Карамзину; в письме к Вяземскому от 21 июня Грибоедов благодарит за эту рекомендацию⁷. Вполне вероятно, что, содействуя знакомству Грибоедова с Карамзиным и Тургеневым, Вяземский пытался как-то повлиять на его литературную позицию, столь близкую «архаистам». Влияниям со стороны, как известно, Грибоедов поддавался мало, однако взгляды его на литературу все же не были неизменными и, так сказать, застывшими. Свой авторский путь Грибоедов начинал на стороне Катенина, выступая со статьей «О разборе вольного перевода Бюргеровой баллады «Ленора»» (1816); в начале же 1825 г. в полемическом своем письме к Катенину по поводу «Горя от ума» он так охарактеризовал свое творческое кредо: «Я как живу, так и пишу свободно и свободно»⁸. Более определенно заявить о своем стремлении к независимости от «духа партий» было бы трудно. Вместе с тем, если Грибоедов и ориентируется на роль «неприсоединившегося», стремясь остаться вне или даже над схваткой, это, конечно, не означает, что он порывает с «архаизмом»: в «Горе от ума» спародирован Жуковский-балладник⁹ и высмеяна «галломания» московского общества; показательно, что, например, Кюхельбекер в 1825 г. считает Грибоедова своим единомышленником¹⁰. Вязем-

4 Значительная часть этих эпиграмм вошла в издания: Эпиграмма и сатира. Из истории литературной борьба. Т. 1. (1800—1840). / Сост. В.Н.Орлов. М.; Л., 1931 <далее: Эпиграмма и сатира>; Русская эпиграмма второй половины XVII — начала XX в. Л., 1975; Русская эпиграмма (XVIII — начало XX века). Л., 1988. См. также: Гиллельсон М.И. Неизвестная эпиграмма А.С.Грибоедова // Вестник ЛГУ. 1957. № 1. С. 159—161; Гиллельсон М.И. П.А.Вяземский: Жизнь и творчество. Л., 1969 <далее: Гиллельсон>. С. 111; Мещеряков. С. 92—96.

5 Остафьевский архив князей Вяземских / Изд. гр. С.Д.Шереметева. Т. 1—5. СПб., 1899—1909 <далее: ОА>. Т. 3. С. 56.

6 Шаврыгин С.М. Грибоедов и Карамзин // Проблемы творчества А.С.Грибоедова / Отв. ред. С.А.Фомичев. Смоленск, 1994. С. 139.

7 Грибоедов писал: «Благодарю вас за письмо к Н.М.Карамзину, стыдно было бы уехать из России, не выдавши человека, который ей наиболее чести приносит своими трудами, я посвятил ему целый день в Царском Селе и на днях еще раз поеду на поклон, только далеко и пыльно» (Грибоедов А.С. Сочинения. М., 1988. С. 499). Видно, что Грибоедов признает значение Карамзина, но видно, что он и делает все возможное, чтобы подчеркнуть свою независимость: почти официальный комплимент («ей наиболее чести приносит») сменяется сдержанно-холодным «я посвятил ему целый день» и оттеняется упоминанием дорожного неудобства, видимо, значительного: «далеко и пыльно».

8 А.С.Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980 <далее: Грибоедов в воспоминаниях>. С. 509.

9 См. об этом: Фомичев С.А. Комедия А.С.Грибоедова «Горе от ума». Комментарий: Книга для учителя. М., 1983 <далее: Фомичев>. С. 61.

10 Во всяком случае, в статье «Минувшего 1824 года военные, ученые и политические достопримечательные события в области российской словесности» (1824) Кюхельбекер относит Грибоедова к «славянам-романтикам» наряду с Катениным, Шаховским и самим собой (см.: Кюхельбекер В.К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 500).

ский также верен себе: в середине двадцатых годов он претендует на одну из ведущих ролей в стане «молодокарамзинистов» и обретает даже репутацию «сектанта»¹¹. Все это, конечно, не способствует его сближению с Грибоедовым-литератором (ср.: *Гиллельсон*. С. 113—115).

Сблизить их могла не только и даже, может быть, не столько литература, сколько политика. При всей сложности, при всем несходстве их политических воззрений, просматривается все же некоторое единство их позиций в отношении к будущим деятелям четырнадцатого декабря. И Вяземский, и Грибоедов, при всей своей оппозиционности к правительству, скептически оценивают перспективы революции. Известные слова Грибоедова о «ста прапорщиках», желающих «изменить весь государственный быт в России»¹², очевидным образом перекликаются с замечанием Вяземского в записной книжке: «Подпрапорщики не делают революции, а разве производят частный бунт. 14-ое декабря не было революцией»¹³.

Знакомство Вяземского с Грибоедовым продолжалось и позднее, однако в дружеские отношения оно так и не переросло¹⁴. Известны их встречи в начале июня 1826 г. (ОА, 5, 2, 15) и в 1828 г. (*Гиллельсон*. С. 112; *Мещеряков*. С. 96—97). Наиболее значительные эпизоды этого знакомства связаны, конечно, с комедией Грибоедова «Горе от ума».

Осенью 1823 г. (вероятно, во второй половине сентября) Грибоедов читал Вяземскому «Горе от ума»: «Скоро после приезда в Москву Грибоедов читал у меня и про одного меня комедию свою» (Вяземский, VII, 343). По ходу этого чтения Вяземский предложил Грибоедову одну поправку к тексту комедии: «В комедии «Горе от ума» есть и моя капля, если не меда и желчи, то по крайней мере капля чернил, то есть: точка. <...> После падения Молчалина с лошади, испуга и обморока Софьи Павловны (действие 2-е, явление 2-е) Чацкий говорил:

Желал бы с ним убиться для компаньи.

Тут заметил я, что влюбленному Чацкому, особенно после слов:

Смятенье, обморок...

Так можно только ощущать,

Когда лишаешься единственного друга, —

неловко употребить пошлое выражение «для компаньи», а лучше передать его служанке Лизе. Так Грибоедов и сделал: точка разделила стих на два <...>» (Вяземский, VII, 343).

Между тем отношение Вяземского к «Горю от ума» не было апологетическим ни в первое время знакомства с текстом комедии, ни позднее. Говоря о

11 См. письмо А.С.Пушкина к Вяземскому от 11 июня 1824 (*Пушкин <А.С.>*. Полн. собр. соч. Т. 1—16. <М.; Л.,> 1937—1949 <далее: *Пушкин*>. Т. 13. С. 96).

12 *Смирнов Д.А.* Биографические известия о Грибоедове // Беседы в Обществе любителей российской словесности при Московском университете. М., 1868. Вып. II. С. 20; ср.: *Смирнов Д.А.* Рассказы об А.С.Грибоедове, записанные со слов его друзей // Грибоедов в воспоминаниях. С. 243.

13 *Вяземский П.А.* Записные книжки. М., 1992. С. 145. Ср.: *Ланда С.С.* Дух революционных преобразований: Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов. 1816—1825. М., 1975. С. 260.

14 В одном из примечаний М.Н.Лонгинова к подготовленному им сборнику стихов Вяземского (*Вяземский П.А.* В дороге и дома. М., 1862) было сказано, что Вяземский «был в дружеской приязни с Грибоедовым». Вяземский же, прочитав это, на полях своего экземпляра, как указала В.С.Нечаева, написал: «Не был я в дружеской приязни с Грибоедовым» (см.: *Вяземский П.А.* Избранные стихотворения / Ред., статья и коммент. В.С.Нечаевой. М.; Л., 1935 <далее: *Вяземский 1935*>. С. 592).

достоинствах «Горя от ума», он отмечал и недостатки. Первые, как полагал Вяземский, были обусловлены стремлением Грибоедова создать в своей комедии картину общественной жизни Москвы¹⁵, вторые — тем, что эта картина не вполне удалась, не точна. Эти неточности сводятся, с точки зрения Вяземского, в основном к следующему.

Во-первых, неверной представляется ему трактовка соотношения общественного быта Петербурга и Москвы. В статье «Допотопная, или допожарная Москва» (1865) Вяземский отмечал: «Вот что говорил Карамзин в путеводительной записке своей, составленной для императрицы пред отъездом ее величества в Москву: «Со времен Екатерины Москва прослыла республикою. Там, без сомнения, более свободы, но не в мыслях, а в жизни; более разговоров, толков о делах общественных, нежели здесь, в Петербурге, где умы развлекаются двором, обязанностями службы, исканиями, личностями». Из приведенных слов следует, что вопреки Грибоедову и последователям, слепо поверившим на слово сатирическим выходкам его, оценка Петербурга и Москвы должна быть признана именно в обратном смысле, т.е. что в Москве было более разговоров и толков о делах общественных, нежели в Петербурге, где умы и побуждения развлекаются и поглощаются двором, обязанностями службы, исканием и личностями. Оно так и быть должно: в Петербурге — сцена, в Москве — зрители; в нем действуют, в ней судят» (*Вяземский*, VII, 82—83; цитируется статья Карамзина «Записка о московских достопамятностях» (1818)).

Во-вторых, московская общественная жизнь представлена Грибоедовым искаженно. «Новое поколение, — пишет Вяземский, — знает старую Москву по комедии Грибоедова; в ней почерпает оно все свои сведения и заключения. Грибоедов — их преподобный Нестор, и по его рассказу воссоздают они мало знакомую им картину. Но, по несчастью, драматический Нестор в своей московской летописи часто мудрствовал лукаво. В некоторых захолустях Москвы, может быть, и господствовали нравы, исключительно выставленные им на сцене. Но при этой темной Москве была и другая еще, светлая Москва» (*Вяземский*, VII, 80—81). Ср. в статье Вяземского «Грибоедовская Москва» (1874—1875): «<...> пора, наконец, перестать искать Москву в комедии Грибоедова. Это разве часть, закоулок Москвы. Рядом или над этою выставленною Москвою была другая, светлая, образованная Москва. Вольно же было Чацкому закабалить себя в темной Москве» (*Вяземский*, VII, 578). Ср. еще в «Письме к князю Д.А.Оболенскому <...>»: «Я родился в старой Москве, воспитан в ней, в ней возмужал; по наследственному счастью рождения своего, по среде, в которой мне приходилось вращаться, я не знал той Москвы, которая так охотно и словоохотливо рисуется под пером наших повествователей и комиков. Может быть, в некоторых углах Москвы и была, и вероятно была, фамусовская Москва. Но не она господствовала: при этой Москве была и другая, образованная, умственной и нравственной жизнью жившая Москва, Москва Нелединского, князя Андрея Ивановича Вяземского, Карамзина, Дмитриева и многих других единомысленных и сочувственных им личностей» (*Вяземский*, VII, 384—385).

В-третьих, нарекания Вяземского вызвал герой комедии. Чацкий оценивается Вяземским с точки зрения общепринятой нормы светского поведения. Светский разговор не может быть ни утомительным, ни скучным; светский человек не должен поучать; его речи, его эпиграммы должны быть не просто остроумны, но уместны в данное время и в данном месте. Всем этим требованиям, однако, разговоры Чацкого не соответствуют. В книге Вяземского «Фон-Визин» читаем: (Сам герой комедии, молодой *Чацкий*, похож на *Стародума*. Благородство правил его почтенно; но способность, с которою он ех-

15 Ср.: «У нас, после «Недоросля» и до «Ревизора», была она не только блестящей, но прямо из жизни выхваченной картиной; картина, может быть, слишком раскрашена, немного натянута, в ней, может быть, выдается более сам живописец, нежели изображенные им лица; но все же, повторяю, картина замечательная по бойкости кисти, по краскам и живописи своей» (*Вяземский*, V, 342).

abrupto проповедует на каждый попавшийся ему текст, нередко утомительна. Слушающие речи его точно могут применить к себе название комедии, говоря: «Горе от ума!» Ум, каков Чацкого, не есть завидный ни для себя, ни для других. В этом главный порок автора, что посреди глупцов разного свойства вывел он одного умного человека, да и то бешеного и скучного. Мольеров Альцест в сравнении с Чацким настоящий *Филинт*, образец терпимости. Пушкин прекрасно охарактеризовал сие творение, сказав: «Чацкий совсем не умный человек, но Грибоедов очень умен»¹⁶ (*Вяземский*, V, 143). Итак, создавая образ Чацкого, Грибоедов, по мнению Вяземского, смешал ампула обличителя («проповедника») и светского человека, в результате чего возник комический эффект, сочинителем комедии не предусмотренный, при этом взаимоисключающие ампула светского человека и обличителя пороков как бы дополняются ролью шута, которую Чацкий играет не только по воле Софии Павловны («А, Чацкий! любите вы всех в шуты рядить, / Угодно ль на себе примерить?»), но и против воли автора: «Один Чацкий, и то, разумеется, против умысла и желания автора, оказывается лицом комическим и смешным. Так, например, в сцене, когда он, после долгой проповеди, оглядывается и видит, что все слушатели его один за другим ушли, или когда Софья Павловна под носом его запирает дверь комнаты своей на ключ, чтобы от него отделаться» (*Вяземский*, VII, 342).

Грибоедов, как известно, строил свою пьесу на несовпадении оценок: резонер оказывался смешным в глазах персонажей комедии, но все симпатии читателей (зрителей) должны были быть на стороне резонера. Вяземский это прекрасно понимал, но, поскольку был убежден, что сам образ жизни Москвы обрисован в комедии не точно и что уже в силу этого речи резонера бьют мимо цели, он и отказал резонеру в сочувствии.

Публикуемая ниже по черновому автографу статья Вяземского «Заметки о комедии “Горе от ума”» (местонахождение беловика, если он вообще существовал, нам не известно) не только не противоречит тем оценкам грибоедовской комедии, которые Вяземский высказал в печати и которые мы только что попытались обобщить, но и теснейшим образом с ними связана. Эта связь прослеживается как на уровне отдельных формулировок, иногда буквально совпадающих с теми, которые находим в других, напечатанных при жизни Вяземского, статьях его, так и на уровне, так сказать, концептуальном.

«Заметки о комедии “Горе от ума”» писались, насколько можем судить, в начале 1873 г. Их текст сохранился в Остафьевском архиве и впоследствии был включен наряду со множеством разнообразных черновики в обширную (566 листов) тетрадь материалов, предназначавшихся для «Старой записной книжки» (РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1173). Помещенные в эту тетрадь материалы сшивались в беспорядке, почти без всякой последовательности. Поэтому местоположение «Заметок о комедии “Горе от ума”» в этой тетради не может быть основанием для датировки. Однако на последнем листе черновика этой статьи (л. 167 об.) находится черновой фрагмент другой работы Вяземского — его выписка из мемуаров Станислава Понятовского, которые были кратко откомментированы и напечатаны в «Русском архиве» в составе «Старой записной книжки» (РА. 1873. Кн. 1. Стб. 0832—0846). Поскольку фрагмент о Понятовском расположен на нижней половине листа сразу после окончания статьи о «Горе от ума»¹⁷, естественно предположить, что работа над последней непосредственно предшествовала по времени составлению заметки о малоудачливом польском короле. Эта заметка была отправлена к Бартеневу при письме от 25 марта / 6 апреля 1873 г. (РГАЛИ. Ф. 46. Ед. хр. 565. Л. 196а — 197; письмо сохранилось не полностью) в составе более обширной подборки для «Старой записной книжки»: эта подборка будет даже разделена Бартене-

16 Цитата из письма Пушкина к Вяземскому от 28 января 1825 г. (Пушкин, 13, 137).

17 Это соседство двух текстов позволяет осторожно предположить, что «Заметки о комедии “Горе от ума”» также предназначались Вяземским для «Старой записной книжки».

вым на две части¹⁸. Поэтому можем думать, что статья о Понятовском была отослана в «Русский архив» лишь через некоторое время после ее окончания. А если так, то «Заметки о комедии “Горе от ума”» писались, видимо, не позднее начала марта 1873 г. или, что вернее, в январе — феврале. Это последнее предположение подтверждается письмом Н.П.Барсукова к Бартеневу от 16 февраля 1873 г. Барсуков, к тому времени уже состоявший с Вяземским в регулярной переписке, в этом письме, в частности, замечал: «Недавно я отправил к нему <т.е. к Вяземскому> по его поручению том Белинского, в котором заключается разбор <«Горя от ума»>, а еще прежде отправлено к нему Стоюнинское издание <«Горя от ума»>. Из сего можно заключить, что он пишет о Грибоедове» (РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 565. Л. 99).

«Заметки о комедии “Горе от ума”» — своеобразный итог многолетних размышлений Вяземского о комедии Грибоедова и о ее месте в истории русской литературы. Все то, о чем Вяземский ранее говорил кратко, сдержанно, даже осторожно, здесь высказано прямо и довольно резко. Эта резкость «Заметок...» бросается в глаза и кажется, пожалуй, даже несколько странной: с течением лет полемический пыл Вяземского должен был бы скорее остывать, а не разгораться с новой силой. По-видимому, дело в том, что полемика Вяземского направлена не только (может быть, и не столько) на комедию Грибоедова, сколько на ее репутацию «гениального», «вершинного» произведения русской драматургии и на тех литераторов и критиков, кто создавал и закреплял эту репутацию в общественном сознании — и в первую очередь на тех, кто видел в «Горе от ума» своеобразный приговор тому обществу, той «допожарной или допотопной» Москве, которая Вяземским воспринималась как оазис высокой культуры и едва ли не высшая ступень развития русской общественной жизни¹⁹.

Одной из причин обращения Вяземского к Грибоедову в начале 1873 г. могло стать знакомство с известной статьей И.А.Гончарова «“Милльон терзаний” (Критический этюд)», увидевшей свет в третьем номере «Вестника Европы» за 1872 г. Вяземский знал Гончарова еще в бытность свою товарищем министра народного просвещения²⁰; «Вестник Европы» не любил, но периодически просматривал (подчас довольно внимательно²¹) и вполне мог натолкнуться на

18 См.: <Вяземский П.А.> Из старой записной книжки начатой в 1813 году. Заметки биографические, характеристические, литературные и житейские // РА. 1873. Кн. 1. Стб. 0832—0846; <Вяземский П.А.> Из старой записной книжки // РА. 1873. Кн. 1. Стб. 1017—1048. Автографы этих статей Бартенев получил 30 марта (РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1407. Л. 144), а 10 апреля сообщал уже Вяземскому: «Первый большой отрывок о короле Станиславе уже отдан в типографию, остальное списывается» (Там же. Л. 147).

19 Ср. в «Письме князю Д.А.Оболенскому <...>» (1875): «Своего рода Фамусовы найдутся и в Париже, и в Лондоне, и каждый из них будет носить свой отпечаток. Грибоедов очень хорошо сделал, что забавно, а иногда и остроумно посмеялся над Фамусовым и обществом его, если пришла ему охота над ними посмеяться. Не на автора обращаю свои соображения, свою критику: он в стороне, он посмеялся, пошутил, и дело свое сделал прекрасно. Но виноваты и подлежат такому же осмеянию те, которые в карикатуре, мастерскою и бойкою рукою написанной, ищут и будто находят исторически верную, так сказать, буквальную истину» (Вяземский, VII, 385).

20 Об отношениях Вяземского и Гончарова см.: Алексеев А.Д. Летопись жизни и творчества И.А.Гончарова. М.; Л., 1960, по ук.; Гиллельсон. С. 341, 343.

21 См., напр., письма Вяземского к Бартеневу от 6 марта, 5 мая и 20 сентября 1872 г. (РГАЛИ. Ф. 46. Ед. хр. 564. Л. 146—146 об., 263—263 об., 460—460 об.). Об отношении Вяземского к «Стасюлевичо-Костомаровски-Пыпинскому» журналу, как назван «Вестник Европы» в последнем из указанных писем, красноречиво свидетельствуют и эпиграммы 1872 г. (см.: Вяземский 1935. С. 469—470).

статью Гончарова. Это предположение, кажется, подтверждается некоторыми фрагментами «Заметок о комедии “Горе от ума”», которые могут быть прочитаны как полемика с Гончаровым. Последний пишет: «<...> комедия «Горе от ума» есть <...> больше всего комедия — какая едва ли найдется в других литературах <...>»²². У Вяземского читаем: «<...> наша критика не держится середины: а обыкновенно кидается в крайности. Она или на коленях с кадильницей в руках пред кумиром своим: или с бичем над жертвою своей. Мало знакомая с иностранными литературами она часто возводит на высшую степень то и того, которые в сравнении с чужими произведениями и писателями, имели-бы право на более скромное, хотя и почетное место». Гончаров неоднократно подчеркивает мысль о соизмеримости или даже равновеликости таких авторов, как Грибоедов и Пушкин, Гоголь и проч., см., напр.: «В группе двадцати лиц отразилась, как луч света в капле воды, вся прежняя Москва, ее рисунок, тогдашний ее дух, исторический момент и нравы. И это с такою художественною, объективною законченностью и определенностью, какая далась у нас только Пушкину и Гоголю»; «<...> возьмем не повесть, не комедию, не художественное явление, а возьмем одного из позднейших бойцов с старым веком, например, Белинского. Многие из нас знали его лично, а теперь знают его все. Прислушайтесь к его горячим импровизациям — в них звучат те же мотивы и тот же тон, как у грибоедовского Чацкого» (*Гончаров*, 8, 54, 73). Вяземский оценивает Грибоедова более сдержанно: «Наша критика сплошь и рядом ставит на один уровень и Пушкина и Гоголя и Грибоедова: даже и Белинского. Этим доказывает она, что даже и Белинского не понимает»²³. Последнее замечание, как бы даже неожиданно (в устах Вяземского) сочувственное к Белинскому, объясняется, конечно, тем, что последний в своей критике «Горя от ума» отказал Чацкому в уме (критику эту, как мы видели, Вяземский имел возможность освежить в памяти благодаря любезности Барсукова) и повторил ряд замечаний на «Горе от ума», высказывавшихся еще в 1820—1830-е гг. Вяземским и М.А.Дмитриевым²⁴. Гончаров пишет: «Чацкий сломлен количеством старой силы, нанеся ей в свою очередь смертельный удар качеством силы свежей. Он вечный обличитель лжи, запрятавшейся в пословицу: «один в поле не воин». Нет, воин, если он Чацкий, и притом победитель, но передовой воин, застрельщик и — всегда жертва» (*Гончаров*, 8, 72). Вяземский говорит о восприятии «Горя от ума» деятелями 14-го декабря, но при этом почти дословно цитирует Гончарова: «При появлении комедии некоторые хотели видеть в Чацком политическое лицо, представителя новых мнений, передового застрельщика новой силы, которая готовится пересоздать общество на новых началах».

Закончив или просто отложив «Заметки о комедии “Горе от ума”», Вяземский продолжал писать о грибоедовской комедии. В конце 1873 г. после ознакомления со статьей В.И.Родиславского²⁵ он работает над известной своей статьей в форме письма к М.Н.Лонгинову. 17 марта 1874 г., вскоре после получения номера «Русского архива», где было напечатано это его письмо к Лонгинову о Грибоедове под заглавием «Дела иль пустяки давно минувших дней»

22 *Гончаров И.А.* Собр. соч. М., 1958. Т. 8 <далее: *Гончаров*>. С. 53.

23 Ср.: «Явное доказательство, что многие из наших критиков не имеют верного чувства того, что в литературе хорошо, и того, что дурно, найти можно и в следующем: нередко встречаем в них восхищение Пушкиным и Гоголем и рядом с этим восхищение Полевым и Белинским. Не ясно ли, не разительно ли из того следует, что они не понимают и Полевого и Белинского? Кого же понимают они? Себя самих? Вряд ли и это» (*Вяземский*, VII, 280; написано в 1873 г.).

24 См. об этом: *Грибоедов* 1913, 2, 318 (комментарии Н.К.Пиксанова)

25 *Родиславский В.И.* Неизданные пьесы А.С.Грибоедова // *Русский вестник*. 1873. № 9. С. 233—268.

(Вяземский 1874), Вяземский пишет к Бартеневу и резко отзывается об этом заголовке: «Вы, кажется, изволите промышлять на меня, да еще моими-же словами. Я написал *дела иль пустяки* и проч. в виде вступления, или эпиграфа к письму, а Вы из моих слов сделали заглавие статьи *от редакции*. Да еще, чтобы читатель не ошибся, Вы тиснули это заглавие большими буквами как на вывеске *портной Гремислав из Парижа*, которую видел я в Москве, в 20 годах». И тут же Вяземский обращался к Бартеневу со следующей просьбой: «Нельзя-ли Вам прислать мне статью о Грибоедове читанную Веселовским в обществе словесности в Москве? У меня много заметок на <<Горе от ума>>. Не худо справиться и с этим барином» (РГАЛИ. Ф. 46. Ед. хр. 566. Л. 158, 159 об.)²⁶. Не боясь ошибиться, можем думать, что эти «заметки на <<Горе от ума>>» и публикуемая ниже статья — один и тот же текст Вяземского. В ответном письме Бартенева от 25 марта 1874 г. читаем: «Статья Веселовского о Грибоедове должна появиться в 5-й тетради Р.Архива, и тогда просим Ваших дополнений и заметок» (РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1407. Л. 174 об.). Насколько нам известно, Вяземский никак не отреагировал на предложение Бартенева и в дальнейшем не предпринял никаких усилий для того, чтобы напечатать свои «Заметки о комедии “Горе от ума”».

* * *

ЗАМЕТКИ О КОМЕДИИ <<ГОРЕ ОТ УМА>>¹

При всем остроумии, при всей бойкости речи своей, Чацкий тот-же Репетилов: только из другого лагеря. Как заговаривается один, так заговаривается и другой. Как Чацкий говорит Репетилову:

Послушай: ври, да знай-же меру²,

так [и Чацкому] останавливая Чацкого, не раз хотелось-бы сказать ему:

Послушай, говори, но знай-же меру.

Как Чацкий говорит Репетилову:

Шумите вы — и только?³

Как [и Чацкому] так не скажешь ли и Чацкому?

Болтаешь ты — и только?

О том, как нравственно действовал-бы тот и другой в известных обстоятельствах, как решил-бы он тот или другой вопрос жизни, нет во всей Комедии ни помина, ни намека. Известно, что слова не всегда соответствуют поступкам и действиям человека. Вот еще сходство между двумя лицами, хотя и маловажное, но бросающееся в глаза. Если Репетилов приезжает на бал слишком поздно, к шапочному разбору и говорит: «Тьфу, оплошал»⁴ то Чацкий приезжает в дом Фамусова слишком рано, и тоже мог бы сказать «тьфу оплошал»:

«Чуть свет, уж на ногах, и я у[ж] ваших ног <...>»⁵

Зачем порядочному человеку приезжать в порядочный дом *чуть свет*. И за чем Чацкому, герою комедии и образцовому умному человеку, каким он выводится у автора дебютировать таким пошлым мадригалом и такую пошлою игрою слов.

²⁶ Речь идет о статье Алексея Н. Веселовского «Очерк первоначальной истории “Горя от ума”» (РА. 1874. Кн. 1. № 6. С. 1513—1573).

Из комедии явствует, что одно истинно жалкое и смешное лицо, из всех лиц выводимых автором есть Чацкий. Другие лица все так<ие>, посредственные, рядовые, дюженные какие встречаются во всех временах и во всех обществах. Но за чем автору выводить их на Божий свет и на показ? Можно-бы оставить их в покое в их законной и блаженной посредственности.

Чацкий жалок и смешен потому, что он влюблен в халду, которая не имеет никакой женской прелести, никакой девственной стыдливости. И почему он влюблен. По справкам оказывается, что Чацкий и София Павловна вместе *воспитывались и росли, играли и шумели по стульям и столам*⁶, стало быть они почти ровесники<;> что после того Чацкий уезжает за границу на три года. Возвращаясь в Москву говорит он Софии:

теперь:

В 17 лет Вы расцвели прелестно⁷.

Следовательно при отъезде его Софии было 14 лет. Положим что [ему было] он был тремя или 4-мя годами ее старше. Можно-ли придавать серьезное значение подобной не совершеннолетней любви. Все это несообразности, которые колят глаза. И таких не мало во всей комедии. В такие года любовь не может [быть] иметь серьезное значение. И умному человеку, каким выдают Чацкого, невозможно предполагать, чтобы детское сочувствие, которое выказывалось в 14 летней отроковице, осталось-бы неприкосновенным в сердце девицы уже взрослой, живущей в свете и успевшей поддаться влияниям и соблазнам [отечества] общества. Но, пожалуй, допустим, что Чацкий сохранил в сердце своем нежное сочувствие, к подруге с которой он *шумел по стульям и столам*, что это сочувствие заочно развилось и окрепло в трехлетней разлуке — что впрочем не очень сбыточно и вероятно. Чем-же выражается эта любовь, которая не только не выдохлась из молодого сердца, но пожалуй, развилась и окрепла, чем выражается она при встрече с Софией, после трех летней разлуки? После нескольких пошлых слов упрека что Софья только удивлена свиданием с ним, а не рада, он влюбленный, он оскорбленный равнодушием там где ожидал [он] изъявлений любви, он пускается в насмешливые изыскания [того] и выводы на тезис

Что нового покажет мне Москва?⁸

и начинает перебирать по одиночке всякий людской сброд. Тут и

Черномазенький, на ножках журавлиных
И трое из бульварных лиц
Которые с полвека молодятся⁹.

Разложив свой тезис на отдельные статьи, не смотря на явную скуку и понятное неудовольствие которое порождает в Софии вся эта будто остроумная болтовня, — он не замечая производимого [им] на любимой им женщине впечатления, продолжает:

Ах! к воспитанью перейдем¹⁰.

А далее:

Что нынче, так-же как издревле
Хлопочут избирать учителей полки
Числом поболее, ценою подешевле?¹¹

Далее:

В России под великим штрафом
 Нам каждого признать велят
 Историком и Географом¹²

и проч. и проч. Хороша любовная сцена, в которой [огор<ченный>] любовник огорченный и оскорбленный [р<авнодушием>] холодностью и равнодушием предмета своей страсти изъясняет своей возлюбленной мнение свое о плохих Московских учителях Истории и Географии.

И [весь] все это пустословие и многословие в устах влюбленного, который после 3-х летней разлуки встречается с предметом своей страсти? И все это еще вероятно на тощак, когда только что *чуть свет*. Да, если[-бы] в Софии Павловне и сохранились-бы воспоминания и предания отроческой нежности, то подобное неуместное словоизлияние могло-бы протрезвить и охолодить все прежние чувства? И можно понять ее, и можно оправдать ее в том, что она предпочитает [всю] заниматься всю ночь игрою на фортепиано при [апо] акомпаньименте Молчалина на флейте слушанию декламатора злоречивых, а иногда и довольно пошлых толков о Москве.

Чацкий жалок и смешен потому, что глупая любовь [его] к Софии Павловне вовлекает его в ревность к Молчалину и Скалозубу, которых признает он ничтожнейшими людьми. Ничто не облагораживает ни этой любви, ни этой ревности: следовательно и в зрителе не возбуждают оне никакого сочувствия. Мольер в <«>Мизантропе<»> представляет также Альцеста влюбленным и ревнивым. Он также любит женщину недостойную страстной, чистой и прямодушной любви его. В Альцесте это несчастье, [кото<рое>] а не глупость¹³. [Но] Селимена блестящая и умная кокетка. Можно еще понять страстное [ослепление] обольщение и ослепление Мизантропа*. Но в Софии нет этих завлекательных и порабощающих прелестей. Она просто халда, как мы [ее] назвали ее. И чтобы [доказать] убедить в правильности нашего присуждения стоит только [указать на сутки] [распределение времяпрепровождения Софии в течении суток] проследить времяпрепровождение ее в течении суток предъявленных автором на сцене. Одну ночь проводит она [с глазу на] в спальне своей с глазу на глаз с Молчалиным, днем сказывается [она] больною, чтобы не идти обедать с отцом и приказывает горничной своей *позвать к ней Молчалина*¹⁴ (а в параллель, {за} минутою до того, Молчалин приглашает служанку Лизу придти к нему тоже во время обеда¹⁵), на следующую ночь застаем ее как [скр<ытно?>] по лестнице *крадется она сверху* [в чулан Молчалина] к Молчалину¹⁶. Не говорим[-же] уже о том что [выд<ает?>] заключает в себе противного и оскорбительного для чувства самого не строгого и не взыскательного благоприличия [все] такое бесстыдное и ночное поведение девицы; [и] умалчиваем о том как подобные картины недостойны [серьезной] истинной Комедии. Но останавливаясь на Чацком, можем-ли [мы] сочувствовать любви [его] и [его] страданиям его, когда источник их так мутен и нечист. И если-[-бы] автор Комедии хотел-бы умышленно выставить Чацкого смешным и жалким, то мог-ли бы он добить его вернее в понятии и глазах зрителей, как выведя его окончательно свидетелем отвратительной сцены, которая разоблачает до самой низости [Героиню] идеал тупой и ничем не оправдываемой любви его?

* В прочем Мольер нигде не унижает достоинства Альцеста. Можно сожалеть за него, что сердце его ошиблось в выборе любви, но [н<о>] он ни на минуту не кажется ни смешным, ни жалким.

Чацкий смешен и жалок потому, что глупая, безалаберная любовь, приписала, закабалила его дому Фамусова с жильцами и посетителями его. Он декламирует пред ними на языке им не понятном. Впрочем, за исключением постыдных отношений Софии к Молчалину, в этом доме ничего нет особенно глупого и такого, что [Фамусов] бы <могло> вывести из себя благоразумного и порядочного человека. Не всем-же людям быть гениями и блестящего ума. В больших обществах большинство, где-бы то ни было, состоит из фамусовых в том или другом роде, с теми или другими [от<тенками>] закалами и оттенками. Да, если пошло на то, чем так глуп и безобразен Фамусов? По видимому, он человек дюженный, старого покроя, но добряк и не лишен некоторого благоразумия и человеческих сочувствий. Посмотрите, например, как, после долгой разлуки, встречает он Чацкого:

Ну, выкинул ты штуку!
Три года не писал двух слов<!>
И грянул вдруг как с облаков<.>
Здорово, друг, здорово, брат, здорово<!>
Рассказывай, чай у тебя готово
Собранье важное вестей?
Да расскажи подробно,
Где был, скитался столько лет,
Откудова теперь¹⁷.

Тут есть и дружеский привет и очень естественное любопытство. Вольно-же Чацкому отвечать на все это колкостями, дразнить старика, оскорблять привычки и предания его. Фамусов, как и все пожилые и отживающие люди, любит, может быть, и с пристрастием, *свое* минувшее, в виду настоящего, которое не могут они назвать [после] вполне *своим*. Это естественно и неминуемо. И впрямь *с каких облаков грянул* Чацкий, [который] когда не знает он этих общих примет, этого общего и почти законного явления? А если он знал, то к чему воевать ему, [бе<ситься>] выходить из себя, беситься против проявлений, которые и в натуре вещей и в натуре человеческой. Фамусов мысл<я>ми и чувствами придерживается

Времен очаковских и покоренья Крыма¹⁸.

Да что-же тут худого? Очаков и Крым имеют значение свое в русской истории. Эти времена имели и хорошие свои стороны. Фамусов, одним словом<,> приверженец и поклонник царствования Екатерины великой, так что-же? Он даже пристрастен и к *Максиму Петровичу*, который

При Государыне служил Екатерине
и на *куртаге*, [три раза] чтобы позабавить ее три раза [уп<ал>]
Упал, да так, что чуть затылка не прошиб
и за что

Был Высочайшею пожалован улыбкой¹⁹.

Положем, что так, но, или память Фамусова изменяет ему, или автор приписывает ему слова, которых он не [говорил] мог говорить. На пример:

За то, бывало, в вист кто чаще приглашен?
Кто слышит при дворе приветливое слово?
Максим Петрович! Кто пред всеми знал почет?
Максим Петрович! Шутка<!>
В чины выводит кто и пенсии дает?
Максим Петрович <!>²⁰

Стихи сами по себе, пожалуй забавны, но нет в них правды. Автор желая позабавиться над Фамусовым клеветает на историю. В царствование Екатерины могли быть и были неудачные и прискорбные выборы людей имевших влияние на ход государственных дел. Но не такова была натура ее, чтобы возвышать влиянием и почетом шутов выслуживающихся перед нею тем, что оне ради Высочайшей улыбки, стукались об пол лбом или затылком²¹. Подобный поклеп на историю заключается и в стихе:

Как не в войне, а [в] в мире брали лбом²².

Не отрицая [возмож<ного>] возможного существования личности какогонибудь Максима Петровича, не должно забывать, что в эти времена были люди, которые именно лбом брали города и покоряли области.

[Чем] Что например особенно смешного в Скалозубе, который служил

В тридцатом году, а после в сорок пятом²³,

а еще позднее

В ново<->землянском мушкетерском²⁴?

Чем смешон Князь Тугоуховский? [Те<м>] Только разве тем, что он глуп. А Княгиня? Разве тем, что у нее шесть дочерей? В таком случае мать Простаковой, в комедии Ф<он->Визина еще смешнее, потому, что у нее было детей 18 человек²⁵. Но [Ф<он->Визин в комедии] своей автор <«>Недоросля<»> не довольствовался этой <чертой> — — — он [в] из этой плодовитой семьи умел вызвать на сцену Простакову, этот в высокой степени драматический характер, этот *достойный плод злонравия*, как говорит Стародум в заключении комедии²⁶.

[Молчалин]

Чацкий говорит о Молчалине, что он *прежде был так глуп*, что он *жалчайшее созданье*²⁷. Во первых во всей своей роли Молчалин ни одною глупостью не проговаривается. Напротив он оказывается человеком довольно благоразумным; он слабохарактерен, это правда: обстоятельства наложили на него узы зависимости пред окружающей его средою. [Он держится правила] Он в этом и сам признается:

Ведь надобно-ж зависеть от других²⁸.

И в самом деле: [где-же в жизни,] [и] много-ли встречаешь в жизни этих героев независимости? И где-же они? Молчалин принял себе за правило: <«>умеренность и аккуратность<»>²⁹. Опять спросим: что-же тут глупого и смешного? Знаем, что этот стих вошел в пословицу и возбуждает общий смех в театре. Широкая русская натура, именно чуждая умеренности и аккуратности сочувствует автору, который предает осмеянию эти два здоровые и [нужн<ые>] в правильной жизни нужные качества. Между тем Молчалин честный человек. Другой на месте его захотел-бы воспользоваться вкусом [музыки] Софии Павловны к музыке по ночам, что бы [за<тем>] вынудить согласие Фамусова на брак с дочерью его.

Положим, что общество, выведенное автором на сцену, имеет свои смешные стороны, что оно так и просится и ложится под [карикатурный] карандаш веселого и замысловатого карикатуриста: но за исключением поведения С<офии> П<авловны>, ничего резко предосудительного, ничего нравственно вопиющего в нем не представляется. Одна вопиющая без-

нравственность в комедии, это София Павловна: но Чацкий разгадывает ее только в последней сцене. Умный человек с оттенком насмешливости в уме мог-бы остроумно и забавно посмеяться над этим обществом. Но ничто не объясняет и не оправдывает необузданного негодования с которым запальчивый Чацкий громит это, пожалуй и смешное но не уголовно преступное это общество. Чацкий является каким-то Донкихотом, который сражался с ветренными мельницами. Он Дон-Кихот, но Дон-Кихот чего? Известный был ратоборец за рыцарство, а этот во имя какой мысли, в виду какой цели ропщет он против несчастных кукол, которые стреляет [он] беспощадно, но для них [не] безвредно, потому, что оне посредственностью своею ограждены, застрахованы от ударов его. Хоть-бы [одно л<ицо>] выведено было одно лицо, которое могло-бы выдерживать и отражать нападения смелого и горячего рыцаря. И того нет. При таком противнике еще было-бы понятно раздражение и воодушевление Чацкого: для зрителя могло-бы занимательно быть зрелище [этот] поединка силы [прот<ивников>] с силою, мысли с мыслью. Здесь ничего нет на то и похожего. И опять приходишь к заключению, что Чацкий при всем остроумии своем [см<ешон>] смешон и жалок: потому, что ничего нет смешнее и жалче, как расточать удары свои на воздух. [Чего] Мы из комедии видим, что Чацкий желчен и раздражителен, что он ругает [все] всех и все что только на глаза попадается. Но мы не видим чего-бы он хотел, и какого держится он исповедания по вопросам нравственным и общественным. Он негодует на *низкопоклонство*, на господство французского языка в русском обществе, на одежду, — —³⁰.

Но эти жалобы, эти упреки не новы, они изношены, и стерты до основы. Журналы

времен очаковских и покоренья Крыма

промышляли ими. <«>Живописец<»>, <«>Трутень<»> и дватцать подобных журналов³¹ давно остроумно и настойчиво кололи глаза русскому обществу этими обличениями. В воззрениях Чацкого ничего нет нового и оригинального. Он даже отчасти встречается с Фамусовым. И Фамусов восклицает:

А все Кузнецкий мост и вечные французы.

Оттуда моды к нам, и авторы, и музы,

Губители карманов и сердец!

Когда избавит нас Творец

От шляпок их, чепцов, и *шпилек*, и булавок

И книжных, и бисквитных лавок³²<.>

Эти стихи как раз подходят под масть патриотическим выходкам Чацкого, когда он³³

В комедии много передвижения, но движения мало. Нет комических сцен, которые вытекали-бы из существа комедии, из положений, неожиданно возникающих. С первых сцен главные два лица — София и Чацкий обрисованы во весь рост. В продолжении четырех действий они не изменяются: действие не усиливается: следовательно и интерес не растет. [Два вт<оростепенных>] О двух второстепенных лицах Фамусове и Молчалине можно сказать тоже. Автор похож на человека, который начал-бы с того, что [сказал] высказал слушателю слово задаваемой им загадки, а пос-

ле привел-бы сущность и текст самой загадки. Нет обмена мыслей в действующих лицах. Один Чацкий ораторствует с начала до конца. Все прочие [слуша<тели>] слушатели, мало понимающие смысл речей его и не понимающие из чего оратор так горячится. Какой-же может быть тут интерес? Интерес драмы должен заключаться в столкновении, в противодействии, в борьбе личностей, в игре страстей, желаний, домогательств каждого действующего лица опередить, обмануть, победить противника или совместника своего. Здесь ничего этого нет. Каждый здесь сам по себе и никакой схватки нет. Где-же тут комедия? Картина нравов, если-бы она и была верна подлиннику, все-же останется неподвижною картиною. Чацкий, пожалуй, мастерской Сатирик: но он плохое действующее лицо в комедии. Все прочие лица сценические хористы и фигуранты, [чт<о>] загнанные на сцену, что бы населить ее: [это] это сценический балласт, который можно выбросить за борт: ход комедии от [того ни] них ничего не выигрывает, и от отсутствия их ничего не потеряет³⁴.

В Чацком нет логики, нет последовательности. Он бичует старое время, старые порядки, а вместе с тем не щадит и настоящие. А между тем [говоря о] негодуя на минувшее, он сам-же говорит:

Свежо предание, а верится с трудом³⁵.

Стало быть в настоящем есть изменение к лучшему, как он и сам развивает в следующих стихах (<«>да нынче смех страшит и держит стыд в узде³⁶ <»>). Умному человеку должно-бы радоваться этому и этим пока довольствоваться. Что за охота ругаться над отживающим обществом, когда в виду возникает другое, более здоровое общество. Можно бы мертвым предоставить в покое хоронить своих мертвых, а самому себе предоставить жить с живыми [или рождающи<мися>] [гот<овящимися>] и с подрастающим поколением. А Чацкий [втерся] сам себя обрекает жить с лицами уже отпетыми или которых он отпевает. Кто-же тут виноват? По справке выведенной выше о возрасте Чацкого и Софии, убеждаешься, что любовь, ослепление ее, увлечение здесь ни при чем: оне несколько не могут оправдывать добровольное присутствие Чацкого в этом посмертном, похоронном обществе. Дело в том, что в Чацком нет никаких убеждений, никаких зачатков, залогов действия. Не знаешь, не видишь чего хотел-бы он. В нем обнаруживаются отрицательные, [и] а еще более порицательные силы: но [зиж<дательных>] творческих, зиждительных сил не замечаешь. И вот почему, другой комик мог-бы также избрать Чацкого, как современный тип несостоятельной оппозиции, и в ярком изображении вывести его на посмешище, и в назидание зрителю. При появлении комедии некоторые хотели видеть в Чацком политическое лицо, представителя новых мнений, передового застрельщика новой силы, которая готовится пересоздать общество на новых началах. Ничего [нет] подобного нет в Чацком: по крайней мере на деле. Что таилось в уме его остается неизвестным. Слова его:

А судьи кто? — За древностию лет
К свободной жизни их вражда непримира³⁷,

еще не достаточно объясняют характер убеждений и стремлений Чацкого. А доброхотные слушатели и критики применяются к [этому сл<ову>] выражению *свободной жизни*, чтобы видеть в Чацком общественного, и чуть-ли не политического реформатора. Сутки проведенные Чацким на сцене

от раннего утра [чуть свет] до другого утра (*час ехать спать ложиться*. Чацкой. Явл: 4ое действие 4ое 38) могут успокоить поклонников Чацкого. Он ни в какое тайное общество не попадет, никаких реформ не замышляет, а вероятно попадет в дом к какомунибудь другому Фамусову и станет по привычке своей витийствовать, декламаторствовать и переливать из пустого в порожнее, даром, что по свидетельству Фамусова:

Он славно пишет, переводит³⁹.

Мы до селе рассматривали комедию в литературном и драматическом отношении: взглянем на нее с общественной и так сказать, нравственной точки зрения. Верна-ли, справедлива-ли картина Московского общества живописуемая автором? Что может быть были, что может быть существовали и ныне <существуют> и будут вероятно и впредь существовать кружки, забавно и остроумно подмеченные автором, это не подлежит сомнению. [Но обобщать частности] Такие кружки найдутся и не в одной Москве. Но обобщая частности поступаешь и против логики а часто и против добросовестности. Грибоедов ввел героя своего в пошлое общество. Тем хуже и для автора и для героя. Ни тому ни другому [не было] нет тут почвы для достойной битвы. Автор в желании показать как надлежит быть зрячему человеку, чтобы правильно смотреть и видеть выводит в царство слепых кривого и к тому-же больного и на другой глаз. Есть у нас в виду свидетели и ценители Москов<ского> общества с другими воззрениями на него. Почти современно с Комедией Грибоедова вот что Карамзин говорит: «Во времена Екатерины доживал там век свой — » и проч.⁴⁰

Разумеется Комик или Сатирик [волен] не так смотрит на действительность как историк или беспристрастный нравоописатель. Почему юмористу не подгулять на счет ближнего, не посмеяться над тем, что ему кажется смешным? Вольному воля. И если посмеялся он забавно для других, то цель его им и достигнута. Но и в этом случае, [не пок<оряйтесь>] любуйтесь талантом его, но не покоряйтесь безусловно насмешливому злословию его. А в публике и в критике нашей именно так и поступили, для них Грибоедовская Москва есть настоящая Москва заклеянная сильною рукою безапелляционного таланта. А в этом-то публике наша и особенно критика наша грубо ошибаются.

Какие здесь тузы живут и умирают⁴¹.

Карамзин говорит кто были эти тузы? Что-же в них худого и смешного? Тут уже комедия посягает на историю*. Тузы так тузы. Не уже-ли было бы лучше иметь одне двойки, да тройки?⁴²

В заключение всего скажем: [после] отрицаем-ли в комедии всякое литературное достоинство, а в авторе всякое дарование? Боже упаси. [Нисколько] Напротив. Мы готовы признать что [в] в драматической [что] нашей степи [можно заглядеться и на это довольно жив<оп>исное и цве<тущее>] нельзя не обратить внимания на живое растение в котором отливаются разноцветные и яркие краски: нельзя даже и не полюбоваться им. Об авторе и говорить нечего: он пишет часто не правильно⁴³ но речь его бой-

* <К этому месту относится примечание, которое Вяземский начал набрасывать на полях:>

Если принять все это в строгое и несколько <оставлено место для одного слова> соображение, то окажется, что тут оскорбительное <не dokonчено>.

ка. И [он] в переводах [с фр<анцузского>] маленьких комедий с французского языка которыми он выступил на литературную дорогу⁴⁴, он довольно ловко и метко набил себе руку на сценический разговор и стих. Но нет в нем того, что образует драматического писателя: нет ничего общечеловеческого, нет [даже верной карт<ины>] характеров, нет ни одного портрета во весь рост: все силуэты, более или менее карикатурные и ярко раскрашенные. Комедия <«>Горе от ума<»> не переводима на другой язык. Знаем, что многие припишут ей это в похвалу, как свидетельство оригинальности: мы же признаем это свидетельством слабости, недостатком творчества и драматических соображений. Иностранцы могут не понять ясно указаний на нравы, могут не понять особенностей и, так сказать своеобразий речи. Но это все внешние принадлежности: а человека, если человек верно выведен, иностранцы поймут. Есть общий нравственный человеческий язык удобопонимаемый мимо [лексико<нов>] интернациональных [языков] словарей. Скупого, созданного, или списанного Мольером с натуры, на какой язык ни переводи, он [в] на всякой сцене получит право гражданства. В Тартюфе много чисто французского: но человеческое преобладает: и Тартюф сделался везде своим человеком⁴⁵. Но можно еще быть комиком, хотя и не возвышаясь до Мольера и других первоклассных драматургов. Тут найдет себе довольно видное место и Грибоедов. Но для нашей критики этого не достаточно; не говорим о публике, которая преимущественно ездит в театр для развлечения, для забавы: [и следовательно] вообще наша критика не держится середины: а обыкновенно кидается в крайности. Она или на коленях с кадильницей в руках пред кумиром своим: или с бичем над жертвою своей. Мало знакомая с иностранными литературами она часто возводит на высшую степень то и того, которые в сравнении с чужими произведениями и писателями, имели-бы право на более скромное, хотя и почетное место. Так например со слов Булгарина критика наша твердит, что <«>Горе от ума<»> комедия *бессмертная* и *гениальная*.⁴⁶ У нас большой запас *гениальности* и *бессмертности*: и мы уступаем [ее] их дешево: уже точно по своей цене*. Между тем мы забываем или не ведаем что подобных *гениальностей* и *бессмертностей*, можно насчитать десятками в чужих литературах а особенно францу<з>ской. Критика наша не образует вкус публики и не развивает в юношестве зародышей [зр<елых>] трезвых и зрелых понятий. Напротив, она растлевает и губит такие зародыши, если-бы они где-нибудь и прозябали. Наша критика сплошь и рядом ставит на один уровень и Пушкина и Гоголя и Грибоедова: даже и Белинского. Этим доказывает она, что даже и Белинского не понимает.

[В] Именно эту слабую и больную сторону критики нашей имели мы в виду строго разбирая творение Грибоедова. На сцене нашей комедия его, особенно и не только особенно, но исключительно при искусном и блестящем разыгрывании ее, может она иметь еще долгий успех. (В чтении она много теряет.) Но когда водворится и окрепнет у нас здравая и мыслящая критика, то есть оценка, то все эти прейс-куранты *гениальностей* и *бессмертностей* значительно упадут в цене своей; и восстановят и утвердят ценность предметов по внутреннему их качеству и достоинству.

* <К этому суждению Вяземского относится примечание, сделанное им на полях в другом месте рукописи:>

Гениальность — бессмертие. Мы похожи на людей, которые не имея гроша за душою подписываются перед читателями на тысячерублевый вексель.

В роле Чацкого, или вернее сказать в уме и даровании Грибоедова много Сатирического пыла, много Сатирической раздражительности и даже желчи. Епиграммы так и сыплются как искры. Но в комедии вообще нет [ни мало] веселости⁴⁷. Автор [соб<рал>] навербовал, собрал кстати и некстати целую орду смешных лиц. Но смешных, комических положений [нет] от них не выходит, как например в Гоголе и даже в Княжнине. — К хвастуну приехал дядя, человек [смиранный] не большого полета, смиренный, который очень не по нутру Верховлету и может родством своим помешать ему в мишурном блеске, которым он себя облек. На это слуга Хвастуна предлагает ему:

Бывал он дядя Ваш, теперь пусть будет мой⁴⁸.

Этот стих не сатирический, но запечат<л>ен истинным комизмом, потому что он натурально вытекает из самой основы Комедии. Так же как и стих Верховлета: «Пойду писать я письма к Королям»⁴⁹. Таких характеристических стихов нет в <<>Горе от ума<>. Нельзя не повторить, что одно прямо комическое лицо во всей комедии выходит Чацкой. С первого появления его на сцене до самого разъезда можно сказать о нем что он туда попался, как кур во щи или как ворона в суп. Он [любит] влюблен, а [предмет] кумир любви его влюблен в другого: он ревнует, он бесится, неистовствует, [ревнует]: а над ним смеются: он проповедует, вититйствует, а слушатели один за другим убираются от него. София Павловна, когда он умоляет ее выслушать его, впустить его к себе в комнату ее, *хотя на две минуты, пожимает плечами, уходит к себе и запирается*⁵⁰, [как] под носом его, как говорят французы. В оправдание свое и в утешение ему говорит, что ее ожидает *прикмахер (!)* и что он *щипцы простудит (!)*⁵¹. Помилуйте! Какое-же тут горе от ума? Тут есть горе, но вовсе не от ума, а разве от чегонибудь совершенно другого.

Об этой комедии можно сказать по францу<з>ски *qu'elle n'est par le bonne compagnie*. По русски высказать это труднее: она не благоприлична: в ней нет так сказать должной вежливости в [об<ращении>] отношении к зрителям. Все как-то грубо и резко вырублено. В [шестом] седьмом часу утра весь дом Фамусова уже на ногах, — а [Ч<ацкий>] только что приезжий из-за границы Чацкий [уже] даже *у ног* Софии. Спозаранку идут здесь любовные объяснения, София Пав<ловна> ведет любовную беседу с Молчалиным: старик Фамусов любовно заигрывает с служанкой Лизою: Чацкий расточает любовные мадригалы и элегии Соф<ии> Пав<ловне> [которая]<.> Что за цитера такая! Мы вполне *в области нежности, le pays de tendre*, как в [романе] францу<з>ском пастушеском романе *Астрея* в начале 17 века⁵². Но в романе все [приторно] идеально: а здесь все вещественно и сыро реально. За<го>рецкий может быть и негодяй: но все-же не прилично в чужом доме говорить вслух про гостя этого дома, —

Вот брат рекомендую
Человек он светский:
Отъявленный мошенник, плут,
Антон Антоныч Загорецкий⁵³.

А так выражается еще [смирный] Платон Михайлович, который уже пять лет твердит на флейте а-мольный дуэт⁵⁴, и мог-бы по словам жены его, по качествам и по таланту своему быть *московским комендантом*⁵⁵. О самой Софии и говорить уже нечего. Трудно понять, как порядочная, благовос-

питанная женщина, или девушка могла-бы взять на себя в частном спектакле [роль] такую [бесстыдн<ую>] беззастенчивую и нахальную роль. [Об] Присяжные актрисы дело другое: для них искусство служба: [и] оне не могут [оне] быть слишком разборчивы и должны представлять натуру во всех ее видах и уклонениях.

П р и м е ч а н и я

- 1 РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1173. Л. 209 об. — 210 об., 164—165 об., 162—163 об., 157—158 об., 166—166 об., 155—156 об., 167—167 об. (листы указываем, восстанавливая первоначальную их последовательность, нарушенную при сшивании их в книгу). Черновой автограф карандашом. В угловых скобках даются конъектуры и текст, принадлежащий публикатору, в квадратных — зачеркнутое Вяземским, в фигурных — то, что Вяземский забыл зачеркнуть.
- 2 Действ. IV, явл. 4 (*Грибоедов*, 2, 83).
- 3 Действ. IV, явл. 4 (*Грибоедов*, 2, 84).
- 4 Действ. IV, явл. 4 (*Грибоедов*, 2, 81).
- 5 Действ. I, явл. 7 (*Грибоедов*, 2, 16). Чацкий и Репетилов впоследствии неоднократно сопоставлялись в критике. См., напр.: *Зорин А.Л.* «Горе от ума» и русская комедиография 10—20-х годов XIX века // *Филология*. Вып. 5. М.: МГУ, 1977. С. 79—81; *Фомичев*. С. 178; *Лебедева О.Б.* Роль «интермедии» Репетилова в комедии А.С.Грибоедова «Горе от ума» // *От Карамзина до Чехова: К 45-летию научно-педагогической деятельности Ф.З.Кануновой*. Томск, 1992. С. 106—116.
- 6 Вяземский соединяет здесь слова Софии («Да, с Чацким, правда, мы *воспитаны, росли*») из ее монолога, обращенного к Лизе (действ. I, явл. 5; *Грибоедов*, 2, 14), со словами Чацкого к Софии («Мы с вами явимся, исчезнем, тут и там; / Играем и шумим по стульям и столам») (действ. I, явл. 7; *Грибоедов*, 2, 17).
- 7 Действ. I, явл. 7 (*Грибоедов*, 2, 17).
- 8 Действ. I, явл. 7 (*Грибоедов*, 2, 18).
- 9 Действ. I, явл. 7. Цитируя монолог Чацкого, Вяземский пропускает несколько строк; у Грибоедова: «Тот черномазенький, на ножках журавлиных, / Не знаю, как его зовут, / Куда ни сунься: тут как тут, / В столовых и в гостиных. / А трое из бульварных лиц <...>» (*Грибоедов*, 2, 18).
- 10 Действ. I, явл. 7 (*Грибоедов*, 2, 19).
- 11 Там же.
- 12 Там же.
- 13 С героем комедии Мольера «Мизантроп» («Le Misanthrope», пост. 1666, изд. 1667) Чацкого начали сопоставлять еще в 1820-е гг. О Чацком как о «карикатуре» на Альцеста писал М.А.Дмитриев (*Вестник Европы*. 1825. № 6. С. 113; см. также обзор истории вопроса в изд.: *Пиксанов Н.К.* Грибоедов и Мольер (Переоценка традиции). <М.,> 1922).
- 14 Действ. II, явл. 13 (*Грибоедов*, 2, 46).
- 15 Действ. II, явл. 12 (*Грибоедов*, 2, 45).
- 16 Имеется в виду авторская ремарка, предваряющая 12 явл. IV действия: «Ч а ц к и й за колонною, Л и з а, М о л ч а л и н покашливает и зевает. С о ф и я крадется сверху» (*Грибоедов*, 2, 93). Кажется, Вяземский все же немного несправедлив к Софии Павловне, которая «крадется» не к Молчалину, а просто спускается вниз по лестнице, прислушиваясь к разговору Молчалина с Лизой.

- 17 Действ. I, явл. 9. Цитируя открывающие это явление приветствия Фамусова, Вяземский прибавляет к ним одну из последующих его реплик (последние три стиха), см.: Грибоедов, 2, 21—22.
- 18 Действ. II, явл. 5 (*Грибоедов*, 2, 36).
- 19 Действ. II, явл. 2 (*Грибоедов*, 2, 26).
- 20 Там же.
- 21 Свое понимание Екатерины II и значения ее царствования Вяземский подробно изложил в статье «Отметки при чтении “Исторического похвального слова Екатерине II”, написанного Карамзиным» (*Вяземский*, VII, 345—372).
- 22 Действ. II, явл. 2 (*Грибоедов*, 2, 27).
- 23 Действ. II, явл. 5. У Грибоедова: «В тридцатом егерском, а после в сорок пятом» (*Грибоедов*, 2, 32).
- 24 Действ. III, явл. 12 (*Грибоедов*, 2, 66).
- 25 «Недоросль», действ. III, явл. V (*Фонвизин Д.И. Избр. соч. и письма*. М., 1946 <далее: *Фонвизин*>. С. 90).
- 26 Стародум, говоря эти слова («Вот злонаравия достойные плоды!») указывает на г-жу Простакову (*Фонвизин*. С. 121), но имеет в виду, по всей вероятности, не ее характер, а постигшее ее несчастье и охватившее ее отчаянье.
- 27 Действ. III, явл. 1 (*Грибоедов*, 2, 46).
- 28 Действ. III, явл. 3 (*Грибоедов*, 2, 56).
- 29 Действ. III, явл. 3 (*Грибоедов*, 2, 53).
- 30 Не dokonчено. Имеется в виду, по всей видимости, монолог Чацкого в конце третьего действия, когда он обрушивается на «тупое, рабское, слепое подражание» европейским обычаям в русском обществе (явл. 22; *Грибоедов*, 2, 77—79).
- 31 Помимо «Трутня» и «Живописца», издававшихся Н.И.Новиковым соответственно в 1769—1770 и 1772—1773 гг., «обличения» подобного рода находили себе место в новиковских же «Пустомеле» (1770) и особенно «Кошельке» (1774), а также в журналах «Всякая всячина» (1769—1770), «Смесь» (1769), позднее в «Зрителе» (1792), «Санкт-Петербургском Меркурии» (1793) и мн. др. (см., напр.: *Берков П.Н. История русской журналистики XVIII века*. Л., 1952).
- 32 Действ. I, явл. 4 (*Грибоедов*, 2, 8).
- 33 Не dokonчено. Вяземский имеет в виду патриотический монолог Чацкого, завершающий третье действие комедии (см. выше, примеч. 30).
- 34 В 1837 г. Вяземский иначе оценивал значение персонажей, «загнанных на сцену», ср.: «Самые странности комедии Грибоедова достойны внимания: расширяя сцену, населяя ее народом действующих лиц, он, без сомнения, расширил и границы самого искусства» (*Вяземский П.А. Фон-Визин // Современник*. 1837. Т. 5. С. 70).
- 35 Действ. II, явл. 2 (*Грибоедов*, 2, 27).
- 36 Там же.
- 37 Действ. II, явл. 36 (*Грибоедов*, 2, 36).
- 38 Вяземский цитирует слова Чацкого к Репетилову (*Грибоедов*, 2, 82).
- 39 Действ. II, явл. 5 (*Грибоедов*, 2, 35).
- 40 Вяземский приводит первые слова заключительного абзаца статьи Н.М.Карамзина «Записка о московских достопамятностях» (1818). Учитывая, что, судя по всему, Вяземский намеревался процитировать этот абзац целиком, приведем его здесь:

«Во время Екатерины доживали там век свой многие люди, знаменитые родом и чином, уважаемые двором и публикою. В домах их собиралось лучшее дворянство: слушали хозяина и пересказывали друг другу слова его. Сии почтенные старцы управляли образом мыслей. Ныне уже мало таких домов. Надобно ехать в Английский Клоб, чтобы узнать общее мнение; можно знать его и дома, послушав несколько раз, как судят москвичи. У них есть какие-то неизменные правила, но все в пользу самодержавия: якобинца выгнали бы из Английского Клоба! Сии правила вообще благородны. В Москве с жаром хвалят заслуги государственные, помнят старое добро и донныне славят бывших ее знаменитых градоначальников: Долгорукова-Крымского, графа З.Г.Чернышева, Еропкина и пр. Одним словом, Москва заслуживает имя *доброй*» (цит. по изд.: Карамзин Н.М. Записки старого московского жителя: Избранная проза. М., 1988. С. 321).

41 Действ. II, явл. 1 (*Грибоедов*, 2, 24).

42 Ср. в статье «Допотопная, или допожарная Москва» (1865): «Фамусов говорит у Грибоедова: “Что за тузы в Москве живут и умирают!”, и партер встречает смехом и рукоплесканиями этот стих, в самом деле забавный. Но если разобрат хладнокровнее, то что за беда, что в колоде общества встречаются тузы! Ужели было бы лучше, если б колода составлена была из одних двоек?» (*Вяземский*, VII, 84).

43 Ср. замечание Вяземского о языке «Горя от ума», включенное в рецензию Н.А.Полевого на альманах Булгарина «Русская Талия на 1825 год»: «Беспристрастно судя, надобно бы пожелать больше гармонии и чистоты в стихах г. Грибоедова. Выражения: *глазом мигом не прищуря — кто ж радуется эдак — черномазенкий — дом зеленью раскрашен — нету дела — слыли за дураков — опротивит — к прикмахеру* и т.п. дерут уши» (Московский телеграф. 1825. Ч. 1. №. 2. С. 168). Ср.: *Грибоедов*, 2, 303 (комментарии Н.К.Пиксанова); *Мещеряков*. С. 98. Ср. еще: *Вяземский П.А.* Эстетика и литературная критика / Сост., вст. ст., коммент. Л.В.Дерюгиной. М., 1984. С. 421 (примеч. 62).

44 Речь идет о комедиях Грибоедова «Молодые супруги» [1815; переделка комедии Крезе де Лессера (Creuzé de Lesser) (1771–1839) «Le Secret du ménage» (1809)] и «Притворная неверность» [1818, при участии А.А.Жандра; вольный перевод комедии Никола Барта (Nicolas Thomas Barthe) (1737–1785) «Les fausses infidélités» (1768)].

45 Речь идет о комедиях Мольера «Скупой» («L'Avare», пост. 1668, изд. 1669) и «Тартюф, или обманщик» («Le Tartuffe, ou L'Imposteur», пост. 1664, изд. 1669).

46 См., напр.: *Булгарин Ф.В.* Воспоминания о незабвенном Александре Сергеевиче Грибоедове // *Булгарин Ф.В.* Соч. М., 1990. С. 640 («бессмертный труд», «бессмертное творение»). Ср.: «Признаюсь, мне оскомину набили эти стереотипные прилагательные: *бессмертная, гениальная*, которые, по заведенному единожды порядку, привешивают к комедии «Горе от ума». Хотелось бы спросить этих господ: из каких доходов раздают они эти дипломы на бессмертие и гениальность? Какие личные права имеют они на подобные производства?» (*Вяземский* 1874. С. 548). На воспоминания Булгарина о Грибоедове Вяземский еще в 1830 г., вскоре после первого их издания, откликнулся эпиграммой: «Ты целый свет уверить хочешь, / Что был ты с Чацким всех дружней: / Ах ты бесстыдник! Ах злодей! / Ты и живых бранишь людей, / Да и покойников порочишь» (Эпиграмма и сатира, 1, 380).

47 Ср.: «Он <Грибоедов> говорит: “Я не напишу более комедии; веселость моя исчезла, а без веселости нет хорошей комедии”. Последние слова совершенно справедливы. Но дело в том, что в комедии “Горе от ума” именно нет несколько веселости. Есть ум, есть острота, насмешливость, едкость, даже желчь; есть, здесь и там бойкие черты карандаша, схватывающего с удивительною верно-

стью и живостью карикатурные сколки; все это есть — и в изобилии. Но веселости, без чего нет хорошей комедии, по словам Грибоедова, не найдешь в “Горе от ума”» (*Вяземский* 1874. С. 547).

- 48 См. 5 явл. 1 действ. комедии Я.Б.Княжнина «Хвастун» (1786). В статье «О жизни и сочинениях В.А.Озерова» (1817) Вяземский называет эту комедию Княжнина «лучшей комедией в стихах на нашем театре» (*Вяземский*, I, 30).
- 49 Это говорит не Верхолет, а Полист, его слуга. См.: «Хвастун», 5 явл. 4 действ. (Стихотворная комедия, комическая опера, водевиль конца XVIII — начала XIX века: В 2 т. Л., 1990. С. 407).
- 50 Действ. III, явл. 2 (*Грибоедов*, 2, 52).
- 51 Действ. III, явл. 2 (*Грибоедов*, 2, 51).
- 52 Имеется в виду роман Оноре д’Юрфе (1568—1625) «Астрейя» (ч.1—3, 1607—1618, ч. 4—5 изданы посмертно, 1627—1628).
- 53 Действ. III, явл. 9 (*Грибоедов*, 2, 64).
- 54 Действ. III, явл. 6 (*Грибоедов*, 2, 58).
- 55 Действ. III, явл. 5 (*Грибоедов*, 2, 58).